

Природные активы в «зеленой» экономике: опыт использования бальнеологических ресурсов в Забайкалье

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук

E-mail: iglazyrina@bk.ru; ORCID: 0000-0001-6774-9284

Н.В. ПОМАЗКОВА, кандидат географических наук

E-mail: naste2@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7569-4674

О.Ц. ДАРМАЕВА. E-mail: oxana.darmaeva@gmail.com

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы использования бальнеологического потенциала для развития сельских территорий Сибири и Дальнего Востока. На примере природного парка «Арей» в Забайкальском крае анализируются причины, по которым природные активы не становятся основой для развития местной «зеленой» экономики, в отличие от аналогичных ресурсов многих стран Европы. Выявлено длительное и устойчивое сосуществование «зеленого» спроса и «коричневого» предложения, которое стало проявлением специфической институциональной ловушки. Авторы доказывают, что в ситуациях, когда невозможен рост за счет масштаба проектов, необходимо интегрировать региональную инвестиционную политику с политикой поддержки малого и среднего бизнеса в рекреационно-оздоровительном секторе экономики.

Ключевые слова: природные парки; эффект от масштаба; оздоровительная рекреация; экотуризм; базовая инфраструктура

Не только нефть, газ и золото

Когда речь идет о сравнительных преимуществах России в мировом экономическом пространстве, в общественном дискурсе в качестве доминирующего фактора чаще всего рассматриваются запасы полезных ископаемых и лесные ресурсы. Нельзя сказать, что это совсем несправедливо. Но в стране есть и другие природные богатства, которые до сих пор остаются недооцененными и недоиспользованными, значимость которых очень велика в контексте общественного благосостояния и качества жизни [Глазырина, Дармаева, 2020]. Со временем эта значимость, несомненно, будет увеличиваться – мы уже сейчас можем наблюдать их возрастающую общественную ценность в связи с последствиями пандемии. К таковым относятся

рекреационно-туристические и бальнеологические ресурсы, проблемам использования которых и посвящена данная статья.

Бальнеологические ресурсы включают в себя лечебные минеральные воды, грязи, целебный климат, природные водоемы, живописные ландшафты. Их можно отнести к наиболее ценным видам рекреационных ресурсов, учитывая ту роль, которую они играют в сохранении и восстановлении здоровья и в реабилитации после тяжелых заболеваний. Их эффективное использование может стать одним из направлений «зеленого» роста региональных экономик – разумеется, при условии соблюдения научно обоснованных правил, исключающих их деградацию. Концепция «зеленой» экономики в последние годы выходит за рамки профессиональных дискуссий и встречает возрастающий общественный запрос на экологическую повестку. В январе 2001 г. Постоянная комиссия Совета по правам человека (СПЧ) при Президенте РФ представила доклад «Зелёный поворот», в котором отмечается, что в настоящее время сложились благоприятные условия для технологической трансформации в России¹.

В эколого-экономической литературе представлены различные взгляды на перспективы экономического роста в контексте зеленой экономики, на роль и инструменты экологической политики, и эта дискуссия продолжается [Martinez-Alier et al., 2010]. Но в отношении тех видов деятельности, где высокое качество окружающей среды является необходимым условием экономического успеха, сложился определенный консенсус – они считаются безусловно желательными и приоритетными. Эти секторы заслуживают того, чтобы при разработке политики развития территорий они получали и экономические преимущества. Курортный сектор на основе бальнеологических ресурсов, несомненно, можно отнести к таким видам деятельности.

Как правило, бальнеологические ресурсы в России – это компоненты лесных и/или горных экосистем. В Сибири и на Дальнем Востоке они традиционно находятся в общем пользовании местного населения, т.е. по сути представляют собой «ресурсы общего доступа» (common pool resources) [Ostrom et al., 1999]. Поэтому в большинстве своем они, с одной стороны, достаточно бережно использовались в течение десятилетий и веков, и эти

¹ URL: <https://climatescience.ru/climate-2021-01-11.pdf>

традиции часто сохраняются у местных сообществ. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. они стали гораздо более доступны для пользователей, которые рассматривают их как общие блага, но не живут в непосредственной близости от них, не проявляют особой заинтересованности в их сохранении. Поэтому риск «трагедии общин» (tragedy of commons) [Hardin, 1968; Ostrom, 2009] в отношении бальнеологических ресурсов существенно вырос. Деградацию экосистем, общие ресурсы которых интенсивно используются, мы наблюдаем в России практически повсеместно.

Включение ценных рекреационных и бальнеологических ресурсов в территории, защищенные тем или иным охранным статусом – один из наиболее распространенных в мире инструментов, призванных обеспечить контроль за их использованием и защиту от истощения и разрушения. Есть много примеров успешного согласования экологических и экономических интересов на этом поприще и даже создания динамично растущей индустрии, которую можно с полным правом отнести к «зеленой» экономике [Verband Deutscher Naturparke e. V., 2017; Vladimirova, 2017]. Однако не все примеры использования этих ресурсов в рамках особо охраняемых природных территорий (ООПТ) можно считать успешными. Случаи, когда охранный статус и приоритетное развитие экотуризма не защищают от деградациии экосистем и не способствуют развитию местной экономики, также описаны в научной литературе [Fletcher, Neves, 2012; Stronza et al., 2019; Zhong et al., 2020].

В данной статье мы обсуждаем попытку создания ООПТ регионального значения в Забайкальском крае для защиты экосистемы от деградациии, с одной стороны, и включения качественных бальнеологических ресурсов в местную экономику – с другой. Природный парк «Арей» был создан в 2013 г., причем процедура оформления статуса ООПТ была инициирована местными жителями и, вопреки распространенной практике, не встретила существенных препятствий со стороны «хозяйствующих субъектов». Однако сейчас уже очевидно, что статус ООПТ – это только начало пути, а не гарантия успеха.

В данной работе мы анализируем причины возникновения на этом пути проблем, сопоставляя их с европейским опытом решения аналогичных задач. Представляется, что эти причины не определяются локальными особенностями, а порождаются

характером сложившихся в России институтов развития сельских территорий и управления природными ресурсами. Поэтому надеемся, что наши выводы будут полезны и для решения практических задач развития рекреационного сектора в других регионах.

Эффект от масштаба или качество жизни?

При определении целесообразности государственной поддержки тех или иных секторов экономики в качестве критерия часто используются объемы привлеченных частных инвестиций, поэтому чаще всего такую поддержку – в разной форме – получают проекты создания крупных производств. Эта тенденция отчетливо проявляется, например, в формировании Перечня приоритетных инвестиционных проектов в сфере лесопользования или строительства горно-обогатительных комбинатов. И когда речь заходит об использовании туристических и рекреационных ресурсов, на первый план тоже выходят проекты создания туристических кластеров, связанные с большими потоками туристов (желательно – иностранных). Действительно, во многих случаях такой подход может быть оправдан – например, при наличии значительной концентрации памятников истории и культуры или адекватных объемов природных активов, включая длительность сезона.

Но вот в Сибири и на Дальнем Востоке таких условий часто не имеется, однако есть огромное количество минеральных источников и озер, использование целебных свойств которых имеет традицию в несколько сот лет. В Забайкальском крае известно и в различной степени изучено более 300 месторождений минеральных вод [Замана, 2018]. Как правило, они окружены живописными ландшафтами, которые используются местными жителями в качестве ценных рекреационно-оздоровительных ресурсов. Очень важно, что многие из них находятся близко от мест постоянного проживания, что дает возможность качественного отдыха и/или лечения без больших временных и финансовых затрат, в том числе в режиме «выходного дня», в период школьных каникул и др. Все это – существенные факторы качества жизни.

В то же время вследствие многократно увеличившегося числа личных автомобилей значительно выросла и доступность ценных природных объектов. Неконтролируемое их использование

становится причиной деградации экосистем, что нередко создает опасность их утраты или необратимых изменений. Кроме того, бальнеологические ресурсы часто используются без должного медицинского сопровождения, просто в соответствии со сложившимися местными традициями, и это снижает их эффективность, а иногда имеет негативные последствия для здоровья.

Во многих странах мира есть сельские территории с высокими экологическими характеристиками и ценными бальнеологическими объектами, природные и социально-экономические условия которых, в отличие от урбанизированных территорий, не позволяют осуществлять крупномасштабные рекреационно-туристические проекты. Препятствием для этого может быть экологическая емкость природных территорий, небольшая численность населения, короткий сезон и т.д. В таких условиях вряд ли можно ожидать получения «эффекта от масштаба», который обычно и оправдывает большие частные инвестиции.

Тем не менее в Европе и Северной Америке накоплен успешный опыт использования таких ресурсов на локальном уровне, при этом экономическая целесообразность обусловлена не масштабом коммерческих благ, а близостью к «потребителю услуг», а также дополнительными возможностями и предпочтениями, которые дает статус охраняемых природных территорий и объектов.

Наиболее интересной представляется работа европейских региональных природных парков, сочетающая природоохранную деятельность и социально-экономическое развитие территории. Их сеть насчитывает уже более 900 парков, которые занимают около 8% от площади стран расположения.

Парки Европы решают задачи сохранения и защиты биологического разнообразия, стимулирования экономической диверсификации путем развития экотуризма и подобных природоориентированных видов деятельности, создания рабочих мест, укрепления экономики сельских территорий, удовлетворения потребностей населения в отдыхе и оздоровлении и в целом служат территориальными моделями устойчивых практик природопользования [Verband Deutscher Naturparke e. V., 2017; Wight, 1995].

Очень важные направления их работы – экотуризм и оздоровительная рекреация. Однако этим не исчерпывается их деятельность. Органы государственного управления, следуя

идеологии экологической модернизации своих хозяйственных систем, часто в сотрудничестве с неправительственными фондами, университетами, просветительскими организациями оказывают приоритетную поддержку малому бизнесу в сфере природопользования, обучают население передовым практикам ведения «зеленого» бизнеса.

Это отражено в «Декларации региональных природных парков Европы». Они должны стать не только территориями для реализации экосистемного подхода к сохранению природных активов, но и драйверами регионального развития. Основными инструментами решения последней задачи призваны стать пилотные проекты внедрения новых технологий и научно обоснованных практик, в том числе в сельском хозяйстве.

Как правило, большая часть рекреационно-оздоровительных услуг на территории природных парков ориентирована на местное население или жителей близлежащих территорий. Исследования показывают, что граждане очень ценят такую возможность, рассматривают ее как фактор качества жизни. Это создает дополнительную мотивацию для бережного отношения к природным благам и способствует укреплению общественных институтов. То же относится и к сельскохозяйственной продукции – ее сравнительным преимуществом на рынках далеко не всегда является цена, важнее – свежесть и высокие экологические качества. Ориентированные на такой подход региональные сельскохозяйственные бренды нередко приобретают популярность далеко за пределами региона. Такие бренды имеют более 60% стран, например, Швейцария и Италия предлагают высококачественный сыр, привлекательность которого на рынке дополняется «экологическими гарантиями» производства на особо охраняемой природной территории. Таким образом, парки становятся источниками «экологических» продуктов.

Успешное развитие региональных природных парков Европы в значительной мере обусловлено технологическими инновациями. Это, прежде всего, новые информационные технологии, позволяющие существенно снизить транзакционные издержки организации различных процедур. Например, в условиях ограниченной экологической емкости территорий очень важную роль играет возможность онлайн-регистрации для доступа в парк, бронирование мест в кемпингах, отелях, на парковках и др.

Это также позволяет сократить расходы на персонал, занятый рутинным контролем и размещением, и использовать больше ресурсов для улучшения качества сервиса, просветительскую и образовательную деятельность. Все это очень позитивно влияет на работу парков, которые по своей природе не могут быть высокорентабельными предприятиями и потому не располагают значительными финансовыми ресурсами.

Еще одно важное направление этих парков – внедрение энергетических инноваций, прежде всего на основе возобновляемых источников энергии. Помимо солнечной и ветровой генерации, активно внедряются электротранспорт, современные формы теплоснабжения на основе продуктов из местного топлива, в частности древесных гранул. Для этого парки получают поддержку специальных фондов: Европейского фонда регионального развития (ERDF) и Европейского сельскохозяйственного фонда для сельских районов (EAFRD). Очень важным эффектом специалисты считают локальный «перелив» передовых технологий – постепенное их распространение на небольшие окрестные поселения, которые обычно не обладают «внутренними» инновационными драйверами.

Исследователи экономики природных парков отмечают рост локального производства сельскохозяйственных продуктов и услуг, увеличения занятости и общих доходов домохозяйств на прилегающих территориях [Weinberg et al., 2002; Hunt et al., 2015; Stronza, 2007; Brown, Decker, 2005]. Мультипликативный эффект достигается также за счет роста транспортных услуг в связи с рекреационно-оздоровительной деятельностью природных парков.

Как изменилась местная экономика после создания природного парка «Арей»?

Для определения локального экономического эффекта от создания природного парка «Арей» был проведен анализ динамики индикаторов экономики Улетовского района, в котором он расположен, и ближайшего к нему сельского поселения Тангинское. Был применен метод разницы-в-разницах (difference-in-difference approach), с использованием показателей, рассчитанных в течение пяти лет до и пяти (или семи) лет после момента создания парка.

Улетовский район считается относительно благоприятным для развития сельского хозяйства как по природным условиям, так и из-за близости к региональному центру. Поэтому у инициаторов проекта была надежда, что рост рекреационно-туристической активности даст позитивный эффект именно для этого сектора экономики. Анализ динамики сельскохозяйственного производства выявил, однако, противоречивые тенденции (табл. 1).

Таблица 1. Динамика валового сбора сельскохозяйственной продукции, производства молока, скота и птицы на убой, в хозяйствах всех категорий в Улетовском районе, 2008–2018 гг.

Край, район	2008	2012	Темп прироста 2012/2008, %	2013	2018	Темп прироста 2018/2013, %	Темп прироста 2018/2008, %
Сбор зерна, в весе после доработки, тыс.т							
Забайкальский край	212,3	213,2	0,4	167,3	177,1	5,9	-16,6
Улетовский район	2,8	2,4	-14,3	2,5	2,2	-12,0	-21,4
Сбор картофеля, тыс.т							
Забайкальский край	164,9	184,1	11,6	176,7	161,1	-8,8	-2,3
Улетовский район	7,5	9,0	20,0	8,9	8,4	-5,6	12,0
Сбор овощебахчевых культур, т							
Забайкальский край	26683	31101	16,6	32164	22242	-30,8	-16,6
Улетовский район	712	474	-33,4	441	2075	370,5	191,4
Скот и птица на убой (в убойном весе), т							
Забайкальский край	42221	48382	14,6	47270	49354	4,4	16,9
Улетовский район	881	1004	14,0	1077	1059	-1,7	20,2
Производство молока, тыс.т							
Забайкальский край	302	327,7	8,5	335,9	330,9	-1,5	9,6
Улетовский район	9,4	9,5	1,1	8,7	7,6	-12,6	-19,1

Источник табл. 1–4, рисунка. Росстат, расчеты авторов.

Как видно из данных таблицы, динамика развития сельского хозяйства Улетовского района в целом соответствует динамике АПК Забайкальского края. Продовольственное эмбарго в России (действующее после 2014 г.) не оказало сколько-нибудь заметного влияния на аграрный сектор региона. И в крае, и в районе отмечается некоторое снижение темпов роста производства молока, мяса и картофеля в 2013–2018 гг. по сравнению с 2008–2012 гг. В то же время производство овощей в Улетовском районе увеличилось за 2013–2018 гг. почти в четыре раза – это беспрецедентные темпы для Забайкальского края. В определенной степени это объясняется «низкой базой», но стоит отметить и относительно благоприятные для овощеводства природно-климатические условия района, а также близость краевого центра, т.е. рынка сбыта.

Сельское хозяйство является основным видом производственной деятельности поселения Тангинское. Можно было бы ожидать как минимум оживления в этом секторе, учитывая развитие туризма и рекреации на примыкающей к нему территории природного парка. Однако официальная статистика показывает сокращение поголовья всех видов скота, кроме птицы, причем после создания парка темпы этого падения выросли (табл. 2). Сокращение поголовья наблюдалось и в Улетовском районе в целом, однако в значительно меньшей степени (табл. 3).

Таблица 2. Динамика численности поголовья скота и птицы (голов) в домохозяйствах сельского поселения Тангинское, 2008–2018 гг.

Показатель	2008	2012	Темп прироста 2012/2008, %	2014	2018	Темп прироста 2018/2014, %	Темп прироста 2018/2008, %
Крупный рогатый скот	1137	753	-33,8	935	860	-8,0	-24,4
В том числе коровы	431	351	-18,6	365	305	-16,4	-29,2
Свиньи	163	93	-42,9	101	52	-48,5	-68,1
Овцы и козы	139	97	-30,2	118	88	-25,4	-36,7
Птица	744	900	21,0	1500	1296	-13,6	74,2

Таблица 3. Динамика численности поголовья скота и птицы (голов) в хозяйствах населения Улетовского района, 2008–2018 гг.

Показатель	2008	2012	Темп прироста 2012/2008, %	2014	2018	Темп прироста 2018/2014, %	Темп прироста 2018/2008, %
Крупный рогатый скот	8572	7882	-8,0	7772	7485	-3,7	-12,7
В том числе коровы	3591	3212	-10,6	3534	3146	-11,0	-12,4
Свиньи	705	1029	46,0	755	619	-18,0	-12,2
Овцы и козы	-	1337	-	1203	1207	0,3	-
Птица	11550	10953	-5,2	-	12086	-	4,6

В таблице 4 представлены данные о динамике заработной платы в Улетовском районе, в номинальном выражении и с учетом индекса потребительских цен (ИПЦ). Темпы роста реальной заработной платы в районе соответствовали среднекраевому показателю за рассмотренный период. Это объясняется высокой долей занятых в бюджетной сфере, где номинальные заработки росли быстрее, чем в большинстве других секторов. Доля занятых в секторе образования Улетовского района – 22,5%, здравоохранения – 21,7%, государственного управления и обеспечения военной безопасности – 13,3%. Уровень заработной платы в районе даже в 2018 г. был на 21% ниже, чем средний по региону.

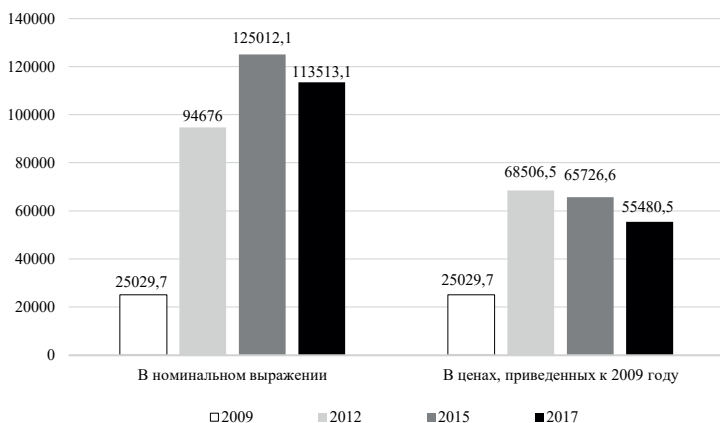
Таблица 4. Динамика среднемесячной начисленной заработной платы работников в организациях Улетовского района, 2009–2020 гг., руб./чел.

Край, район	2009	2012		Темп прироста 2012/2009, %	2015		2020		Темп прироста 2020/2015, %	Темп прироста 2020/2009, %
		В ном выраж	С учетом ИПЦ		В ном выраж	С учетом ИПЦ	В ном выраж	С учетом ИПЦ		
Улетовский район	13072	17104	12376	-5,3	23893	12562	36608	15731	25,2	20,3
Забайкальский край	17835	25985	18803	5,4	32695	17190	49604	21316	24,0	19,5

Миграционный отток населения из Улетовского района в 2018 г. вырос на 59% по сравнению с 2012 г., миграционная

убыль наблюдалась и в 2020 г. (–59 чел.), главным образом – по экономическим причинам [Рыбаковский, 2017]. Отсутствие вакансий, низкие заработные платы и невысокий уровень жизни вынуждают жителей района уезжать в другие регионы. Учреждение природного парка «Арей» не способствовало созданию новых рабочих мест.

Основой собственных доходов бюджетов Улетовского района и поселения Тангинское является налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Однако в бюджете района он не превышает 20%, а в бюджете поселения – менее 10%. Большая их часть (от 70 до 85%) формируется за счет перечислений из регионального бюджета. На рисунке 1 представлены данные о динамике собственных доходов бюджета Улетовского района в номинальном выражении и с учетом ИПЦ в ценах 2009 г. Они показывают, что в Улетовском районе реальные доходы бюджета с 2009 г. существенно сократились. В поселении Тангинское и номинальные, и реальные доходы снижались, начиная с 2015 г., и в 2017 г. сократились по сравнению с 2009 г. почти на четверть.

Динамика собственных доходов бюджетов поселений
Улетовского района (без учета показателей
бюджетов поселений) в 2009–2017 гг., тыс. руб.

Число легальных рабочих мест, так или иначе связанных с ресурсами парка, составляет обычно 15–30 чел., в зависимости от сезона. Уровень заработной платы – ниже средней не только по региону, но и по району. Отчетливо проявляется наличие те-

нового сектора. По экспертным оценкам, основным источником теневого дохода являются нелегальная добыча и реализация лечебных грязей озера Арей для самолечения посетителей парка. Этот промысел может приносить доход до 2 млн руб. в год. Изъятие большого объема грязей (сапропелевых илов) со дна озера – до 20 тыс. л в год – производится бесконтрольно.

К теневой деятельности, связанной с ресурсами парка, можно отнести предоставление в аренду жилья с минимальными удобствами, изготовление и продажу продуктов питания. Однако бедность местных жителей и микроскопический масштаб этого «бизнеса» не позволяют рассчитывать на реинвестирование получаемых доходов в современные формы оказания услуг и реальный рост благосостояния.

В отличие от европейских парков, которые становятся «точками притяжения» разных форм экономической активности, на территории парка «Арей» и в близлежащих поселениях мы наблюдаем скорее экономическую стагнацию и консервацию устаревших и неэффективных практик природопользования.

«Сибирский парадокс»: «зеленый» спрос и «коричневое» предложение

Главным и наиболее ценным объектом природного парка «Арей» в Улетовском районе Забайкальского края является озеро Арей, вода и лечебная грязь которого используются местным населением, по меньшей мере, 200 лет. Бальнеологическое значение озера определяется природными условиями и наличием целебных грязей и источников.

Лечебное значение природных факторов озера было исследовано специалистами медицинских институтов Иркутска и Читы. Выявлено, что комплекс природных условий природного ландшафта оказывает иммуномодулирующее действие, а также вызывает эффект стимуляции кроветворения (адаптационная реакция на горные условия); грязь озера обладает выраженной биологической активностью, оказывает положительное влияние на системы детоксикации организма, имеет выраженный терапевтический эффект [Рогожников, 1995]. Отмечено, что высокая пейзажная привлекательность ландшафтов, песочные ванны и купание в озере положительно влияют на нервную систему и психоэмоциональное состояние человека. В целом, медиками

были даны рекомендации о формировании на озере Арей Центра реабилитации и оздоровления населения, особенно проживающего в экологически неблагоприятных районах [Савченков, 2010]. Эта территория расположена в 230 км от регионального центра (г. Чита) и имеет удобную связь с ним благодаря федеральной дороге хорошего качества.

В 1997 г. на территории базы отдыха «Арей» была построена грязелечебница, но вскоре она закрылась по экономическим причинам. С тех пор профессиональные медицинские услуги здесь не оказываются. Воды источников имеют повышенное содержание кремнистой кислоты, но детальных клинико-физиологических исследований на предмет их лечебного воздействия не проводилось. Поскольку парк «Арей» находится на высотах выше 996 м над уровнем моря, территория может быть отнесена к низкогорным курортным местностям, а по метеорологическим условиям – к климатическим здравницам. Число часов солнечного сияния в году составляет около 2000.

Полевые исследования 2019–2020 гг. показали, что благодаря деятельности администрации парка в некоторой степени удалось предотвратить деградацию местной экосистемы. Однако по-прежнему нерешенной остается проблема летнего превышения экологической емкости территории [Помазкова, 2020].

Для одновременного пребывания существующая инфраструктура парка и близлежащих поселений может предоставить около 600 мест. Кроме того, значительная часть посетителей (около 40%) предпочитает размещаться в палатках. Количество посещений в год превышает 50 тыс. чел., из них 80% – в теплый сезон (июль-август). Это примерно в 2,5 раза больше экологической емкости, рекомендуемой Эколого-экономическим обоснованием для этой территории, разработанным ИПРЭК СО РАН.

Для определения количественных параметров спроса и предложения услуг, связанных с ресурсами природного парка «Арей», был проведен опрос его посетителей. Большинство из них высоко ценят его природные условия и одновременно не удовлетворены качеством предоставляемых услуг и санитарным состоянием прибрежной зоны. Мы интересовались также готовностью отдыхающих платить за более качественный и экологически безопасный отдых. Их ответы представлены в таблице 5.

Таблица 5. Готовность платить: данные опроса посетителей парка «Арей»

Какую сумму вы готовы оплатить за въезд на территорию парка (1 машина за 1 сут.) при условии, что в нее будут включены услуги по зарядке телефона, вывозу мусора, пользования туалетами, навесами, скамейками и др. инфраструктурой парка?		Готовы ли вы оплачивать комфортабельное проживание гостиничного типа и в каком размере, сут./чел.?	
Сумма, руб.	Количество респондентов, %	Сумма, руб.	Количество респондентов, %
До 100	15,8	До 1500	2,6
100–200	21,1	1500–2000	31,6
200–300	15,8	2000–3000	14,5
300–500.	28,9	3000–4000 руб.	2,6
500–1000	11,8	500	1,3
Свыше 1000	1,3	Всего ответили «Да»	59,2
Не готовы	7,9	Ответили «нет»	31,6

Посетители парка отмечают большое количество различных бытовых неудобств и в целом неудовлетворительное санитарное состояние территории, выражают готовность нести дополнительные расходы для экологически более приемлемого использования ресурсов парка. Они также считают целесообразным развивать здесь традиционные формы экологического туризма: экскурсии, познавательные программы, конные прогулки и др., а также зимние виды отдыха, для которых сейчас нет никаких условий.

Более 52% хотели бы организации грязелечения под медицинским контролем, 43% – покупать продукты местных производителей, 31% – пользоваться прокатом велосипедов. Однако этот «зеленый» спрос остается неудовлетворенным уже много лет, и организация парка не принесла сколько-нибудь заметных изменений. Предложение устойчиво остается «коричневым»: большинство хозяйствующих субъектов не склонно инвестировать ни в экологизацию рекреационных процессов, ни в повышение качества услуг, а предпочитает увеличивать доходы за счет роста числа посетителей и повышения цен.

Возможности для этого есть: высокий спрос сохраняется за счет граждан с невысокими доходами, которые по-прежнему считают это место приемлемым для бюджетного отдыха. Опрос показал, что более 90% посетителей – жители Забайкальского

края, из них около 80% приезжают из г. Читы и близлежащих районов.

Данные опроса также позволили оценить потенциальный доход от использования ресурсов этой рекреационной территории в 80 млн руб. в год. Учитывая, что численность поселения Тангинское, по данным Росстата, составляет менее 1250 чел., а также то, что собственные доходы этого муниципалитета в 2017 г. составили лишь 345,9 тыс. руб., это следует считать очень значимым потенциальным источником роста местной экономики.

Почему не как в Европе

Описанная ситуация с природным парком «Арей» во многом типична. Во всяком случае – для Восточной Сибири. Есть много чрезвычайно привлекательных территорий, часто еще и обладающих бальнеологическими ресурсами, которые неуклонно деградируют в экологическом отношении. Они не реализуют свой ценный природный потенциал, несмотря на спрос со стороны местных жителей. Только в Забайкальском крае известно более 300 природных активов этого типа [Глазырина, Дармаева, 2020], и сделанные выводы справедливы практически для каждого из них. Это можно сказать и о многих участках побережья Байкала, несмотря на всемирную известность озера и очень значительный поток туристов [Корытный, Евстропьева, 2018; Glazyrina, 2019; Korytny, Gagarinova, 2020; Воробьева и др., 2019]. По нашему мнению, одной из причин надо признать некоторую «неприоритетность» рекреационно-туристического и санаторно-курортного секторов в тех случаях, когда характер природных активов не позволяет получать эффект от масштаба.

В различных программах развития как федерального, так и регионального уровней, нет недостатка в задачах (на уровне постановки) диверсификации экономики, повышения продолжительности жизни, снижения негативного антропогенного воздействия и улучшения состояния окружающей среды, развития туризма и т.д. Однако в них редко встречаются конкретные механизмы, которые могли бы способствовать использованию природных активов для повышения качества жизни местного населения, в том числе на основе использования рекреационно-оздоровительных и бальнеологических ресурсов.

В принятой в 2019 г. «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года»² для всех регионов определены два класса экономических специализаций: «перспективные» и «неперспективные», но «критически важные для экономики». Анализ распределения по регионам специализаций, связанных с использованием природных ресурсов, представлен в таблице 6.

Таблица 6. Ресурсные специализации регионов в Стратегии пространственного развития России до 2025 г., %

Доля регионов РФ	Добыча полезных ископаемых	Обработка древесины и производство изделий из дерева	Лесоводство и лесозаготовки	Растениеводство и животноводство	Производство пищевых продуктов	Туризм – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (деятельность санаторно-курортных организаций)
Специализация определена как «Перспективная»	48,81	41,67	32,14	83,33	80,95	85,71	11,91
Специализация отмечена как «Неперспективная экономическая специализация, критически важная для экономики»	5,95	9,52	4,76	11,91	7,14	0	0
Специализация отсутствует	45,24	48,81	63,1	4,76	11,91	14,29	88,09

Оказалось, что в 88,09% регионов специализация «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (деятельность санаторно-курортных организаций)» просто отсутствует. К регионам, для которых эта специализация считается перспективной (11,91%), ожидаемо отнесены те, где есть условия для массового туризма и получения эффекта от масштаба.

² URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 27.03.2021).

Учитывая статус этого документа, можно предположить, что на его основе формируются текущие и разрабатываются новые планы регионального развития, создаются различные инструменты регулирования, направленные на государственную поддержку тех или иных «приоритетных» или «критически важных» экономических специализаций. Очень сомнительно, что при этом сектору, связанному с развитием здравоохранения и санаторно-курортной деятельности на основе бальнеологических ресурсов, уделят больше внимания, чем в основополагающем документе. Предыдущие стратегические документы также практически не затрагивали этот вопрос.

На наш взгляд, недостаток внимания к сектору со стороны людей, принимающих решения о развитии регионов, играл и продолжает играть очень существенную роль в недоиспользовании ценных бальнеологических ресурсов. Новые институты развития, призванные в том числе создавать условия для повышения диверсификации экономики и качества жизни на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, «действующие» с 2013 г., не принесли значительных улучшений в отношении развития рекреационно-оздоровительного сектора. Прямые иностранные инвестиции, незначительный рост коих отмечается в последние годы, преимущественно были ориентированы на получение эффекта от масштаба [Минакир, Суслов, 2018].

Хорошо известная неблагополучная экологическая ситуация во многих городах и регионах России сказывается на росте заболеваемости и общем ухудшении здоровья граждан. Поэтому создание условий для регулярного оздоровления становится все более актуальной задачей. «Регулярность» предполагает в том числе возможность качественного отдыха и оздоровления в выходные дни, в дни школьных каникул, в период отпуска и т.д. Наблюдаемый во всем мире спрос на «природные» общественные блага свидетельствует об этой растущей потребности. Европейские и североамериканские природные парки вносят значительный вклад в решение этой задачи. Почему же мы не видим многочисленных успешных примеров в России, несмотря на замечательные природные условия во многих регионах?

Иногда само создание природных парков сталкивается с препятствиями и противодействием на местах, поскольку их режим исключает некоторые виды хозяйственной деятельности

(например, добычу россыпного золота). При создании парка «Арей» таких препятствий не было, инициативу проявили местные жители, обеспокоенные деградацией уникальной экосистемы, а органы государственного управления проявили высокую степень понимания и поддержки этой инициативы. Но мы видим, что задачи сделать парк «драйвером развития», стимулировать рост местной экономики и уровня жизни людей как в Европе, если и ставятся, то вовсе не «движутся» в сторону своего решения.

Прежде всего подчеркнем, что никогда и нигде в мире успешный опыт создания местных природных парков не ограничивался лишь оформлением для них особого статуса и созданием соответствующей управляющей организации. Важнейший компонент успеха парков Европы – долгосрочные программы развития, не просто разработанные и рекомендованные квалифицированной экспертной командой, но и закрепленные в институциональной среде в виде законодательных решений, финансовых планов, образовательных программ и т.д., что обеспечивает их устойчивость.

Практически все европейские парки имеют долгосрочные программы развития (до 10 лет), которые разрабатываются с привлечением местного населения и научного сообщества. На основе каждой программы разрабатывается финансовый план, состоящий из операционного и инвестиционного разделов. Операционные расходы (выплата зарплат, мониторинг, проведение мероприятий, связанных с просвещением, отношениями с местным сообществом) финансируются преимущественно из средств региональных (местных) бюджетов на постоянной основе. Очень важно, чтобы численность и квалификация персонала были достаточны для решения поставленных перед парком задач. Операционный бюджет частично покрывается за счет собственных доходов парка: платы за посещение и предоставления различных услуг. Инвестиционный раздел плана финансируется из государственных источников или природоохранных фондов на базе долгосрочных соглашений.

Следующий важнейший аспект – существование базовой инфраструктуры: электросетей, наличия водо- и теплоснабжения, канализации, в последние годы – обеспечения мобильной связью и широкополосным доступом в Интернет. Истории формирования

этой инфраструктуры в парках Европы складывались по-разному. Иногда было достаточно усовершенствовать уже имеющиеся активы, иногда приходилось создавать все «с нуля». В последнем случае – при полном или частичном финансировании за счет публичных ресурсов, так как масштаб природных активов не мог обеспечить возврат частных инвестиций для создания базовой инфраструктуры. Однако на основе уже имеющейся инфраструктуры смогли успешно развиваться предприятия малого и среднего бизнеса, функционировать некоммерческие инициативы в области образования, просвещения и т.д.

Во многих регионах России и практически везде в Сибири и на Дальнем Востоке современную базовую инфраструктуру предстоит создавать почти с нуля. В подавляющем большинстве случаев невозможно при этом обойтись без государственных инвестиций, поскольку ресурсная база не позволяет рассчитывать на создание крупного бизнеса и отдачи от масштаба. Надо четко понимать, что рекреационно-оздоровительная деятельность на базе региональных природных парков и курортов – это сфера приложения малого и среднего бизнеса и ориентирована в большей степени на внутренний спрос. Еще она проблема – надежные гарантии устойчивости, которые были бы привлекательны для инвесторов.

Таким образом, учитывая европейский опыт, важнейшим шагом для повышения эффективности парка «Арей» представляется профессиональная разработка долгосрочной программы развития и соответствующего финансового плана. Принципиально важно, чтобы статус программы и финансовый план были закреплены на уровне регионального законодательства отдельной строкой в бюджете. Это будет достаточно надежным основанием для регулярных бюджетных назначений при ежегодном формировании регионального бюджета. Тогда соответствующие ассигнования будут производиться в установленные сроки и с минимальными транзакционными издержками, что существенно повысит эффективность использования бюджетных средств³. Для потенциальных инвесторов это является очень значимой мотивацией

³ Опыт показывает, что эпизодическое, в том числе грантовое, природоохранное финансирование может помочь решить лишь какую-то локальную проблему (например, уборку мусора на берегу), но никогда не создает условий для развития территорий.

при создании бизнесов, ориентированных на долгосрочные, а не краткосрочные выгоды и улучшение качества предоставляемых услуг.

Программы должны охватывать весь комплекс задач парка: экономические, природоохранные, лечебно-оздоровительные, образовательные и научные, а также очень важную задачу внедрения инновационных, в том числе «зеленых» практик для дальнейшего продвижения в интересах развития сельских поселений. Идея, высказанная в работе А. Н. Пилясова [Pilyasov, 2019] об интеграции на региональном уровне инвестиционной политики и политики поддержки предпринимательства, представляется весьма плодотворной для создания стимулирующих механизмов развития не только крупных, но и малых форм экономической деятельности в сфере использования бальнеологических ресурсов.

Заключение

Снижение реальных доходов в период длительного кризиса у довольно многочисленных групп населения практически исключает для них варианты оздоровления и отдыха, связанных с дальними поездками. Актуальность условий для качественного и недорогого отдыха недалеко от мест постоянного проживания, существенно повышается в период пандемии и, по-видимому, сохранится еще долгое время после нее. Создание природных парков «европейского типа» могло бы стать очень значимым шагом в этом направлении и дополнительным фактором закрепления населения в восточных регионах, где не прекращается миграционный отток, несмотря на многочисленные «дальневосточные программы».

На примере парка «Аррей» мы видим, что придание территории особого статуса и деятельность администрации в некоторой степени способствовали улучшению состояния экосистемы [Помазкова, 2020], но далеко не решили основных проблем. Использование лечебной грязи практически полностью перешло в теневой сектор. Это, с одной стороны, снижает эффективность лечения, с другой – создает опасность истощения важного ресурса. При этом имеется устойчивый спрос на качественные и экологически безопасные услуги, о котором свидетельствуют и данные опроса, и экспертные оценки теневых продаж.

Длительное сосуществование «зеленого» спроса и «коричневого» предложения демонстрирует нам отсутствие условий для эндогенного роста. Поэтому парк не стал драйвером развития прилегающих сельских территорий и в этом смысле совсем не оправдал ожиданий местного населения.

Две причины такого результата представляются основными и определяющими: отсутствие долгосрочной программы развития с надежным финансовым обеспечением и необходимость с нуля создавать базовую инфраструктуру. Ресурсы парка не позволяют организовать на их основе крупномасштабный бизнес, который мог бы войти с достаточными для создания инфраструктуры инвестициями, но они вполне отвечают возможностям среднего и малого бизнеса, который при наличии инфраструктуры мог бы предоставлять современные услуги с достаточным уровнем рентабельности. По существу, так и происходит в природных парках Европы.

Было бы логично поставить задачу создания необходимой инфраструктуры за счет бюджетных средств (в некоторых случаях, возможно, на основе государственно-частного партнерства), поскольку речь идет не о коммерческих, а прежде всего о социальных задачах. Однако, к сожалению, органы государственного управления не рассматривают такие бюджетные ассигнования как эффективные. Опыт показывает, что они готовы использовать значительные бюджетные ресурсы для крупных проектов, которые представляются более перспективными в плане бюджетной отдачи, кроме того, по-видимому, важную роль играет и то обстоятельство, что крупные проекты обеспечивают высокие показатели инвестиционной активности, по которым судят об эффективности руководителей регионов и министерств. Мелкие проекты таких показателей не генерируют, и это снижает мотивацию для органов управления обращать на них внимание. Указанные обстоятельства «консервируют» длительное и устойчивое сосуществование «зеленого» спроса и «коричневого» предложения, которое нам представляется проявлением специфической институциональной ловушки.

Для привлечения на территорию парка инициатив малого и среднего бизнеса – организации кемпингов, небольших гостиниц, точек питания, создания локальных брендов экологичной сельхозпродукции и пр. – необходимо обеспечить им надежные

и долгосрочные гарантии. Инструментом для этого могут быть долгосрочные программы развития с надежными финансовыми планами. В российских условиях такие механизмы должны быть закреплены на уровне регионального законодательства (по примеру поддержки малых форм в сельском хозяйстве, который нам кажется вполне успешным). Финансовые планы должны содержать инвестиционный раздел, разработанный на основе программы развития. Конкретно для парка «Арей» в него целесообразно включить проекты водоснабжения и канализации, тепловой генерации на основе местных возобновляемых ресурсов (например, с использованием пеллет, солнечной энергии и т.д.), широкополосный Интернет и др.

Препятствием для разработки и внедрения подобных долгосрочных программ может стать хронический дефицит региональных и местных бюджетов, наблюдаемый почти повсеместно в России. Негативные последствия специфического российского «бюджетного федерализма» давно и широко обсуждаются в научной литературе. Авторы полагают, что проведенный анализ можно рассматривать как еще один аргумент в поддержку необходимости перераспределения бюджетных потоков в пользу региональных и местных бюджетов. Это особенно важно для сельских территорий на Востоке России, для которых полноценные природные парки могут стать драйвером развития и существенным фактором повышения качества жизни.

Литература

Воробьева И. Б., Власова Н. В., Белозерцева И. А., Гагаринова О. В. Туризм на территории юго-западного побережья озера Байкал как фактор обострения экологических проблем // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т. 13. № 1. С. 70–78. DOI: 10.24411/1995–0411–2019–10108

Глазырина И. П., Дармаева О. Ц. Роль и место бальнеологических ресурсов в экономике Забайкальского края // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 4. С. 94–107. DOI: 10.21209/2227–9245–2020–26–4–94–107.

Замана Л. В. Углекислые воды Даурской гидроминеральной области (Восточное Забайкалье) // *Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры*. 2018. Т. 95. № 4. С. 69–74. DOI: 10.17116/kurort20189504169.

Корытный Л. М., Евстропьева О. В. О разработке правил организации туризма и отдыха в центральной экологической зоне Байкальской природной территории // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2018. Т. 12. № 3. С. 31–42. DOI: 10.24411/1995–0411–2018–10303.

Минакир П. А., Суслов Д. В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3

Помазкова Н. В. Ландшафтно-экологический мониторинг природного парка «Арей» // Ученые записки Крымского федерального университета. География. Геология. 2020. Т. 6. № 3. С. 240–255. DOI: 10.37279/2413–1717–2020–6–3–240–255.

Рогожников В. А. Гигиеническая оценка природных факторов озера Арей Читинской области. Автореф. дисс. канд.мед.наук. Иркутск, 1995.

Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. Т. 2 (76). С. 51–61.

Савченков М. Ф. Возможности использования природных ресурсов для оздоровления населения (Байкальский регион) // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2010. Т. 93. № 2. С. 110–113.

Brown T. L., Decker D. J. Research Needs to Support Community-Based Wildlife Management: Global Perspectives // Human Dimensions of Wildlife. 2005. Vol. 10. No. 2. Pp.137–140. Doi: 10.1080/10871200590931824.

Fletcher R., Neves K. Contradictions in Tourism: The Promise and Pitfalls of Ecotourism as a Manifold Capitalist Fix // Environment and Society. 2012. Vol. 3. No. 1. Pp. 60–77. Doi: 10.3167/ares.2012.030105.

Glazyrina I. P. Tourism in the East and West of Russia: A Comparative Analysis // Geography and Natural Resources. 2019. Vol. 40. No. 4. Pp. 299–305. DOI: 10.1134/S1875372819040012.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. No. 3859. Pp. 1243–1248. DOI: 10.1126/science.162.3859.1243.

Hunt C. A., Durham W. H., Driscoll L., Honey M. Can ecotourism deliver real economic, social, and environmental benefits? A study of the Osa Peninsula, Costa Rica // Journal of Sustainable Tourism. 2015. Vol. 23. No. 3. Pp. 339–357. DOI: 10.1080/09669582.2014.965176.

Korytny L., Gagarinova O. Around Baikal: on the causes of ecological problems // 4th Vinogradov Conference “Hydrology: from Learning to Worldview” in memory of outstanding Russian hydrologist Yury Vinogradov, VC2020. 2020. Pp. 03009. DOI: 10.1051/e3sconf/202016303009.

Martinez-Alier J., Kallis G., Veuthey S., Walter M., Temper L. Social Metabolism, Ecological Distribution Conflicts, and Valuation Languages // Ecological Economics. 2010. Vol. 70. No. 2. Pp. 153–158. Doi: 10.1016/j.ecolecon.2010.09.024.

Ostrom E., Burger J., Field C. B., Norgaard R. B., Policansky D. Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges // Science. 1999. Vol. 284. No. 5412. Pp. 278–282. DOI: 10.1126/science.284.5412.278.

Ostrom E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems // Science. 2009. Vol. 325. No. 5939. Pp. 419–422. DOI: 10.1126/science.1172133.

Pilyasov A. N. Regional investment policy: how to overcome the path dependence // Regional Research of Russia. 2019. Vol. 9. No. 4. Pp. 340–349. DOI: 10.1134/S2079970519040099.

Stronza A. The Economic Promise of Ecotourism for Conservation // Journal of Ecotourism. 2007. Vol. 6. No. 3. Pp. 210–230. DOI: 10.2167/joe177.0.

Stronza A. L., Hunt C. A., Fitzgerald L. A. Ecotourism for conservation? // Annual Review of Environment and Resources. 2019. Vol. 44. Pp. 229–253. DOI: 10.1146/annurev-environ-101718-033046.

Verband Deutscher Naturparke e. V. Living Landscapes: Europe's Nature, Regional, and Landscape Parks – model regions for the sustainable development of rural areas. Bonn, 2017. 174 p. URL: <https://www.european-parks.org/publications/book-living-landscapes> (дата обращения: 25.03.2021).

Vladimirova V. Politics of the green economy in Russia's European North // Journal of Political Ecology. 2017. Vol. 24. No. 1. Pp. 296–323. DOI: 10.2458/v24i1.20810.

Weinberg A., Bellows S., Ekster D. Sustaining Ecotourism: Insights and Implications from Two Successful Case Studies // Society and Natural Resources. 2002. Vol. 15. No. 4. Pp. 371–380. DOI: 10.1080/089419202753570846.

Wight P. Sustainable Ecotourism: Balancing Economic, Environmental and Social Goals within an Ethical Framework // Tourism Recreation Research. 1995. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–13. DOI: 10.1080/02508281.1995.11014727.

Zhong L., Zhang X., Deng J., Pierskalla C. Recreation ecology research in China's protected areas: progress and prospect // Ecosystem Health and Sustainability. 2020. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–12. Doi: 10.1080/20964129.2020.1813635.

Статья поступила 29.04.2021

Статья принята к публикации 12.05.2021

Для цитирования: Глазырина И.П., Помазкова Н.В., Дармаева О.Ц. Природные активы в «зеленой» экономике: опыт использования бальнеологических ресурсов в Забайкалье // ЭКО. 2021. № 10. С. 65–90. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-65-90

Summary

Glazyrina, I. P. Doct. Sci. (Econ.), Pomazkova, N. V. Cand. Sci. (Geographical), Darmaeva, O. Ts., Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of the RAS, Chita

Natural Assets in the Green Economy: a Case of Balneological Resources in Transbaikalia

Abstract. The paper considers problems arising from developing the balneological potential in rural areas of Siberia and the Russian Far East. Examining the case of Arey Nature Park located in the Trans-Baikal Territory, the authors analyze the reasons why natural assets do not become the basis for developing the local green economy, unlike the situation with similar resources in many European countries. The long and sustained coexistence of «green» demand and «brown» supply, which is a manifestation of a specific institutional trap, is revealed. The authors prove that in situations where economies of scale cannot foster growth, it is necessary to integrate the regional investment policy with the policy of supporting small and medium-sized businesses in the recreational and health sector of the economy.

Keywords: *nature parks; economies of scale; wellness recreation; ecotourism; basic infrastructure*

References

- Brown, T.L., Decker, D.J. (2005). Research Needs to Support Community-Based Wildlife Management: Global Perspectives. *Human Dimensions of Wildlife*. Vol. 10. No. 2. Pp. 137–140. DOI: 10.1080/10871200590931824.
- Fletcher, R., Neves, K. (2012). Contradictions in Tourism: The Promise and Pitfalls of Ecotourism as a Manifold Capitalist Fix. *Environment and Society*. Vol. 3. No. 1. Pp. 60–77. DOI: 10.3167/ares.2012.030105.
- Glazyrina, I., Darmaeva, O. (2020). The role and place of balneological resources in the economy of the Transbaikalian Territory. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Transbaikalian State University Journal*. Vol. 26. No. 4. Pp. 94–107. (In Russ.). DOI: 10.21209/2227–9245–2020–26–4–94–107.
- Glazyrina, I.P. (2019). Tourism in the East and West of Russia: A Comparative Analysis. *Geography and Natural Resources*. Vol. 40. No. 4. Pp. 299–305. DOI: 10.1134/S1875372819040012.
- Hardin, G. (1968). The Tragedy of the Commons. *Science*. Vol. 162. No. 3859. Pp. 1243–1248. DOI: 10.1126/science.162.3859.1243.
- Hunt, C.A., Durham, W.H., Driscoll, L., Honey, M. (2015). Can ecotourism deliver real economic, social, and environmental benefits? A study of the Osa Peninsula, Costa Rica. *Journal of Sustainable Tourism*. Vol. 23. No. 3. Pp. 339–357. Doi: 10.1080/09669582.2014.965176.
- Korytny, L., Gagarinova, O. (2020). Around Baikal: on the causes of ecological problems. In *4th Vinogradov Conference "Hydrology: from Learning to Worldview" in memory of outstanding Russian hydrologist Yury Vinogradov, VC2020*. Pp. 03009. DOI: 10.1051/e3sconf/202016303009.
- Korytny, L.M., Evstropieva, O.V. (2018). On the developing the rules for organization of tourism and recreation in the central ecological zone of the Baikal Natural Territory. *Sovremennyye problemy servisa i turizma. Service and Tourism: Current Challenges*. Vol. 12. No. 3. Pp. 31–42. (In Russ.). DOI: 10.24411/1995–0411–2018–10303.
- Martinez-Alier, J., Kallis, G., Veuthey, S., Walter, M., Temper, L. (2010). Social Metabolism, Ecological Distribution Conflicts, and Valuation Languages. *Ecological Economics*. Vol. 70. No. 2. Pp. 153–158. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2010.09.024.
- Minakir, P.A., Suslov, D.V. (2018). Foreign direct investment in the economy of the Russian Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 3. Pp. 41–56. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3.
- Ostrom, E. (2009). A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems. *Science*. Vol. 325. No. 5939. Pp. 419–422. Doi: 10.1126/science.1172133.
- Ostrom, E., Burger, J., Field, C.B., Norgaard, R.B., Policansky, D. (1999). Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges. *Science*. Vol. 284. No. 5412. Pp. 278–282. Doi: 10.1126/science.284.5412.278.
- Pilyasov, A.N. (2019). Regional investment policy: how to overcome the path dependence. *Regional Research of Russia*. Vol. 9. No. 4. Pp. 340–349. Doi: 10.1134/S2079970519040099.
- Pomazkova, N.V. (2020). Landscape and environmental monitoring of the park "Arey". *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni*

V.I. Vernadskogo. *Geografiya. Geologiya*. Vol. 6. No. 3. Pp. 240–255. (In Russ.).
Doi: 10.37279/2413–1717–2020–6–3–240–255.

Rogozhnikov, V.A. (1995). *Gigienicheskaya otsenka prirodnykh faktorov ozera Arei Chitinskoï oblasti*. Avtoref. diss. kand.med.nauk. (In Russ.).

Rybakovsky, L.L. (2017). Factors and causes of migration, mechanism of their relationship. *Narodonaselenie. Population*. No. 2 (76). Pp. 51–61. (In Russ.).

Savchenkov, M.F. (2010). Natural resources for sanitation of population (Baikal Region). *Sibirskii meditsinskii zhurnal (Irkutsk). Siberian Medical Journal (Irkutsk)*. Vol. 93. No. 2. Pp. 110–113. (In Russ.).

Stronza, A. (2007). The Economic Promise of Ecotourism for Conservation // *Journal of Ecotourism*. Vol. 6. No. 3. Pp. 210–230. DOI: 10.2167/joe177.0.

Stronza, A.L., Hunt, C.A., Fitzgerald, L.A. (2019). Ecotourism for conservation? *Annual Review of Environment and Resources*. Vol. 44. Pp. 229–253. DOI: 10.1146/annurev-environ-101718–033046.

Verband Deutscher Naturparke e. V. Living Landscapes: Europe's Nature, Regional, and Landscape Parks – model regions for the sustainable development of rural areas. Bonn, 2017. 174 p. Available at: <https://www.european-parks.org/publications/book-living-landscapes> (accessed 25.03.2021).

Vladimirova, V. (2017). Politics of the green economy in Russia's European North. *Journal of Political Ecology*. Vol. 24. No. 1. Pp. 296–323. DOI: 10.2458/v24i1.20810.

Vorobyeva, I.B., Vlasova, N.V., Belozertseva, I.A., Gagarinova, O.V. (2019). Tourism on the south-west coast of lake Baikal as a factor of aggravating environmental problems. *Sovremennye problemy servisa i turizma. Service and Tourism: Current Challenges*. Vol. 13. No. 1. Pp. 70–78. (In Russ.). DOI: 10.24411/1995–0411–2019–10108.

Weinberg, A., Bellows, S., Ekster, D. (2002). Sustaining Ecotourism: Insights and Implications from Two Successful Case Studies. *Society and Natural Resources*. Vol. 15. No. 4. Pp. 371–380. DOI: 10.1080/089419202753570846.

Wight, P. (1995). Sustainable Ecotourism: Balancing Economic, Environmental and Social Goals within an Ethical Framework. *Tourism Recreation Research*. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–13. DOI: 10.1080/02508281.1995.11014727.

Zamana, L.V. (2018). Carbon dioxide waters of the Daurian hydromineral region (the Eastern Transbaikalia Territory). *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury. Problems of Balneology, Physiotherapy and Exercise Therapy*. Vol. 95. No. 4. Pp. 69–74. (In Russ.). DOI: 10.17116/kurort20189504169.

Zhong, L., Zhang, X., Deng, J., Pierskalla, C. (2020). Recreation ecology research in China's protected areas: progress and prospect. *Ecosystem Health and Sustainability*. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–12. DOI: 10.1080/20964129.2020.1813635.

For citation: Glazyrina, I.P., Pomazkova, N.V., Darmaeva, O. Ts. (2021). Natural Assets in the Green Economy: a Case of Balneological Resources in Transbaikalia. *ECO*. No. 10. Pp. 65–90. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-65-90